

Счастливого лето шестьдесят восьмого

В конце августа выйдет в свет сборник ныне живущего классика отечественной литературы Юрия Полякова.

«Совдетство. Книга о светлом прошлом» –

такое название получит новинка, отрывок из которой, пользуясь многолетней дружбой с писателем, публикует «МК».

В предисловии Юрий Михайлович признается: «Я писал эту вещь с трепетом, погружаясь сердцем в живую воду памяти, извлекая из глубин сознания милые мелочи минувшего, перебирая забытые словечки ушедшей эпохи, стараясь воплотить в языке тот далекий, утраченный мир, который исчез навсегда вместе с Советским Союзом – со страной, где, устремляясь в будущее, так любили для скорости сокращать: «ликбез», «колхоз», «комсомол», «спортзал», «совпартактив», «детсад», «совдетство»...

MKRU

События книги разворачиваются в августе 1968 года, а ее главный герой – тринадцатилетний мальчик Юра Полуков...

****

..Вдоль забора хладокомбината сложены высоченные штабеля «бетонных изделий», занимающие весь тротуар – от проходной до перекрестка. Привезли их сюда давно, когда я только пошел в

первый класс, доставили на просевших от тяжести грузовиках и прицепах, а разгружали с помощью самоходного крана. Плиты были разной формы и величины: длинные, короткие, узкие, широкие, некоторые напоминали огромные серые кубики с углублениями посередине, где скапливалась, не высыхая до конца, дождевая вода, и со временем завелись головастики. Когда плиты выгружали, мы как раз шли с Лидой из магазина.

– Безобразия! – возмутилась она и направилась к дядьке в капроновой шляпе, который командовал краном: – Вира! Майна! Теперь – ложи помаленьку!

Шофер, пересев со своего обычного места в маленькую кабинку, ловко дергал за рычаги, управляя стрелой и стальным тросом. Еще двое рабочих, их называют «чальщиками», вдевали крюки в металлические петли, вмурованные в бетон.

– Что здесь происходит? – строго спросила Лида, подойдя.

– Разгружаем бетонные изделия. Но вас это, гражданочка, не касается! Идите – куда шли!

Здесь опасно, особенно с ребенком. Семеныч, подмайни, тебе сказали, чудило!

– Это хорошо, что вы заметили ребенка. Кто вам разрешил разгружать стройматериалы рядом с детской площадкой? – она показала на наш скверик.

– Не ваше дело! Вира!

– А вот я сейчас позвоню в райком, в строительный отдел...

– Звони куда хочешь! Ложи!

– Василию Петровичу...

– Стоп машина! – на лице командующего дядьки появилось сомнение. – Семеныч, передохни чуток. Парни, курим! – он вежливо повернулся к Лиде. – Гражданочка, я же объяснил: складирuem временно. Пятница. В понедельник железобетон перекинут на территорию комбината. Там новый цех будут строить. Государственное дело!

– В понедельник?

- Вторник – крайний срок.
- Вы мне твердо обещаете?
- Побожиться, что ли?
- Лучше дайте честное партийное слово!
- Честное партийное! Ей-богу!
- Если хоть один ребенок до понедельника упадет с этого вашего Вавилона, под суд пойдете!
- Не волнуйтесь! Мы сторожа выставим.
- Ну, смотрите у меня!

Оказывается, взрослые умеют так врать, что дети по сравнению с ними – просто правда в коротких штанишках. Прошло шесть лет, а плиты как стояли, так и стоят, они запылились, потемнели, а кое-где даже обросли зеленым мхом. Дети с них, конечно, падали, и не раз, например Колька Виноградов сломал руку и ходил потом месяц в гипсе. Лида несколько раз звонила в райком Василию Петровичу, но тот разъяснил: из-за того, что американская военщина решила покорить Остров свободы, Советский Союз оказал кубинской революции помощь оружием и пропитанием, а это стоит больших денег, поэтому некоторые планы по развитию нашей промышленности пришлось отложить, в том числе строительство нового корпуса на Хладокомбинате. Но явление это временное, разумеется, все, что намечено, будет обязательно выполнено, вследствие чего везти стройматериалы назад, на бетонный завод в город Бабушкин, не имеет никакого смысла. Надо просто ждать и верить в победу передового человечества над агрессивными кругами США...

– Да, с точки зрения государственных интересов Василий Петрович, конечно, прав... – вздохнула Лида, рассказав за ужином всю эту историю отцу.

- Бардак! – буркнул в ответ Тимофеич. – Куба-то тут при чем, демагоги вы хреновы
- Карибский кризис... – потупилась мать. – Надо помогать!
- Да идите вы все к лешему с вашим тростниковым сахаром!
- При чем тут сахар!
- При том!

Когда заходит речь об Острове свободы, отец всегда злится и мрачнеет, не разделяя всеобщей радости по поводу отважных «барбудос» и победы в заливе Свиней. Дело в том, что его как опытного электрика собирались направить в командировку на Кубу на целый год, причем там ему платили бы в песо, а здесь вторая получка в рублях прямиком шла бы на сберкнижку. Они уже с Лидой прошлись по магазинам, присмотрев стиральную машину, мерлушковую шубу и драповое пальто с поясом. По партийной линии Тимофеичу дали хорошую характеристику, устно намекнув, что выпивкой злоупотреблять не стоит. Но отец боялся медицинской комиссии, так как климат на Кубе тропический, а у него повышенное давление. Две недели он не доставал из тайника фляжку, заваривал вместо чая пустырник и делал по утрам под радио зарядку, которая всегда заканчивалась одними и теми же словами: «Переходим к водным процедурам!»

В результате по состоянию здоровья врачебная комиссия признала его годным к тому, чтобы помогать кубинским революционерам налаживать электроснабжение. Приобрели большущий чемодан для покупок и подарков, а также соломенную шляпу – от солнца. Иван Васильевич отдал отцу свой довоенный летний костюм из тонкой материи со смешным названием «чесуча». Мне был обещан настоящий кокос – это такой огромный орех с литром молока внутри. Но Лида ходила грустная, так как на большой кухне знающие соседки ей объяснили, что темнокожие кубинские женщины очень красивые, вспыльчивые и редко пропустят мимо белого мужчину, а уж такого кудрявого красавца, похожего на актера Ларионова, сразу же утащат в свои сахарные тростники.

– А партком у них там куда смотрит? – недоумевала, чуть не плача, маман.

– У них партия в личную жизнь не вмешивается. Местная специфика, – объяснила главный технолог Галина Терентьевна, чей брат уже побывал на Кубе. – Там жарко. Там ром. Там нравы свободные.

– Остров свободы! – подхихикнула старуха Комкова.

– Вот именно!

– Очень странно... – скуксилась Лида.

– Ничего странного. У самого Фиделя три жены. Гарем. А от Че Гевары семь вдов осталось.

– Тетя Галя, а что такое гарем? – спросил я, так как присутствовал при странном разговоре, ожидая у плиты первого испеченного сырника.

– То же самое, что и сераль, Юрочка, – улыбнулась она с высоты своего высшего образования. – Какой ты любознательный!

Всю ночь я не мог уснуть, так как отец до утра давал Лиде «честное партийное», что близко не подойдет к темнокожим кубинкам, и она в конце концов вроде бы поверила.

Отвальную устроили за два дня до отъезда. Пришел даже седой, но подтянутый Иван Васильевич, старший брат моего деда Ильи, пропавшего без вести в начале войны. Разойдясь, он показывал «молодежи», как пили в старину в трактирах, целуя донышко опустевшей рюмки. Такая манера очень понравилась Тимофеичу, Башашкину и даже деду Жоржику. Все они до глубокого вечера чокались, а потом громко чмокали донышки, прикончив все запасы спирта, настоящего на лимонных корках.

Потом родня наперебой давала отцу советы, как вести себя в тропиках: под пальмами не ходить – может упасть на голову кокос, обезьян не дразнить – кусаются, и потом надо делать сто уколов от бешенства. Гаванские сигары следует курить, затягиваясь вполсилы. Ром лучше разбавлять лимонадом, но чуть-чуть. Насчет кубинок тоже что-то объясняли, но я не расслышал, так как советы давали шепотом, а потом мужчины так громко хохотали, что дребезжали стекла в рамах. Башашкин попросил привезти ему в подарок бутылку рома «Легендарио», дед Жоржик – настоящую гаванскую сигару, а Иван Васильевич – тропическую раковину с шумом океана.

На следующий день с утра Тимофеича с больной головой вдруг срочно вызвали на дополнительное медицинское обследование, которое, оказывается, все должны пройти перед самым отбытием. Лида пошла с отцом, так как его слегка пошатывало и кренило

после вчерашнего: донышко он поцеловал раз двадцать.

Врач, замерив ему давление, аж на стуле подскочил:

– 180 на 110! Да вы, батенька, лютый гипертоник! Какие тропики? Вы же там и недели не выдержите! Окочуритесь. Ни в коем случае! Категорически запрещаю! Средняя полоса и умеренность во всем. Голубушка, уж проследите, – попросил он Лиду. – Вы же не хотите остаться молодой, интересной вдовой?

Отец вернулся домой подавленный, долго сидел за обеденным столом, опустив кудрявую голову на руки, решительно отказался от рюмки лимонной настойки, щедро предложенной Лидой, потом внезапно впал в ярость и порвал на клочки новую соломенную шляпу, хотел то же самое сделать с чемоданом и чесучовым костюмом, но маман, сияя от счастья, не позволила. В результате Башашкин остался без рома «Легендарио», дед Жоржик – без гаванской сигары, Иван Васильевич – без раковины с шумом океана, а я – без кокосового ореха. Отец же навсегда невзлюбил кубинскую революцию и лично Фиделя Кастро.

Юрий Поляков